

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАК ФАКТОРЫ ЛПХ

Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАГП РАН

В статье проанализированы две важнейшие составные части в структуре сельской занятости. Выявлен резкий скачок в динамике неформальной занятости, который объяснен изменением методики статистического наблюдения. С использованием материалов социально-экономических паспортов 2-х муниципальных районов Саратовской области оценены масштабы распространения неформальной и альтернативной занятости. На основе материалов анкетирования, проведенного в этих районах, установлены наиболее распространенные виды неформальной и альтернативной трудовой деятельности. Показано определяющее значение для поступательного сельского развития альтернативной занятости и самозанятости.

Ключевые слова: рынок труда, альтернативная занятость, неформальная занятость, самозанятость, трудовая миграция, домашнее хозяйство, ЛПХ.

ALTERNATIVE AND NON-FORMAL EMPLOYMENT IN THE RURAL AREA AS THE FACTOR OF HOUSEHOLD FARM

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

The article analyzes two most important components in the structure of rural employment. A sharp spike in the dynamics of non-formal employment is revealed. It is explained by a change in the methodology of statistical observation. Using the materials of socio-economic passports of two municipal districts of the Saratov region, the scale of the spread of non-formal and alternative employment is estimated. Based on the materials of the survey conducted in these areas, the most common types of informal and alternative employment have been identified. The determining importance for the progressive rural development of alternative employment and self-employment is shown.

Keywords: labor market, alternative employment, non-formal employment, self-employment, labor migration, household, household farm.

Введение. Неформальную занятость можно определить, как совокупность видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчиненных государственному регулированию, не подкрепленных формальными контрактами и не фиксируемых налоговым учетом [1, с. 31] Альтернативная занятость, в отличие от неформальной, не имеет общепринятого определения. В западной науке она связывается с несельскохозяйственной деятельностью фермеров, в российской понимается шире – как деятельность сельского населения вне сельского хозяйства и в отдельных, специфических направлениях сельскохозяйственного производства [2, с.16]. Альтернативная занятость, будучи разновидностью занятости, должна быть ориентирована на получение заработной платы или прибыли; при этом она может быть как формальной, так и неформальной. Альтернативной является занятость сельского населения в городах, реализующаяся в форме маятниковой трудовой миграции.

Методика исследования. Теоретико-методологической основой исследования являются труды российских ученых, посвященные проблемам развития сельских территорий. Эмпирическая основа – статистические материалы Росстата (Обследования рабочей силы [3]) и авторского социологического исследования занятости на базе двух сельских муниципальных районов Саратовской области, проведенного методом анализа документов и анкетирования глав домашних хозяйств.

Результаты. Согласно данным Обследования рабочей силы Росстата, в период 2010-2016 гг. численность занятого в неформальном секторе населения, как городского, так и сельского, непрерывно росла, в том числе по селу быстрее всего – в 2012 и 2016 гг. В 2016 г.

удельный вес населения, занятого в неформальном секторе, в общей численности занятых, достиг пика в 16,2% по городу и 34,2% по селу. Однако в 2017 г. неформальная занятость в селе резко сократилась – на 13% (в городе – только на 3%) [3].

В структуре неформальной занятости преобладает трудовая деятельность в сфере сельского хозяйства и сопутствующих отраслей (охоты, лесного хозяйства, рыболовства, рыболовства), составившая 38,9% в 2017 г. При этом ее динамика в 2010–2015 гг. была нисходящей (с 57,8% до 47,9%), затем, в 2016 г. она возросла на 1 процентный пункт (пп.), а в 2017 г. произошел ее «обвал» на 10 пп. В абсолютном исчислении снижение составило почти 31%. Таких резких скачков не было по другим направлениям неформальной занятости, где динамика в ту или иную сторону не превышала 5%. Это означает, что именно сокращение сельскохозяйственной деятельности в неформальном секторе определило общее сокращение неформальной занятости.

Большую часть неформальной сельскохозяйственной занятости составляет занятость в домашнем хозяйстве с целью продажи или обмена. В 2017 г. численность лиц, занятых этим видом деятельности, сократилась в сельской местности на 46%, причем, главным образом за счет тех, кто имел еще и другие доходные занятия – их численность сократилась на 57%. Численность тех, кто был занят только в товарном ЛПХ, сократилась меньше, но тоже довольно существенно – на 37,5%.

Одновременно с этим численность занятых производством сельхозпродукции в домашнем хозяйстве для собственного конечного потребления практически не изменилась, а численность тех, для кого эта деятельность единственная, даже возросла (на 5,5%). Таким образом, согласно данным Обследования, резко уменьшилась численность занятых товарным производством в ЛПХ, в первую очередь за счет тех, кто совмещал этот вид трудовой деятельности с другим. При незначительном снижении количества занятых и – одновременно с этим – безработных в сельской местности в 2017 г., можно предположить резкую потерю интереса к товарному сельскохозяйственному производству в ЛПХ. Это можно объяснить, например, отсутствием времени на ведение ЛПХ у занятых членов семьи, или ростом трудностей в ведении мелкотоварного производства на базе ЛПХ. Однако столь резкие скачки показателей занятости в неформальном секторе, где статистические наблюдения сложнее, чем в официальном, а численные оценки приблизительны, вызывают сомнения. Речь прежде всего идет об изменениях в методике статистического наблюдения, принятых в 2017 г. И хотя принципиальным было, по сути, только одно изменение – расширение возрастных рамок учитываемого населения путем отмены верхней границы в 72 года, которое не могло существенно повлиять на показатели занятости – однако вся совокупность менее значительных, формально-стилистических поправок могла привести к несопоставимости данных за предыдущие годы.

Новое в методике 2017 г., повлиявшее на результаты исчисления неформальной занятости, связано с изменением учетных признаков (категорий) обследования. В 2017 г. «производство товаров в домашнем хозяйстве» было выделено в отдельную категорию и указано в отрыве от занятости членов домохозяйства «в других формах трудовой деятельности», как было ранее; описание категорий «основная работа» и «вторая работа» было существенно расширено, в том числе за счет пункта «регистрация предпринимательской деятельности». Изменился также список видов трудовой деятельности. В определении категории лиц, «занятых трудовой деятельностью по производству товаров и оказанию услуг для собственного использования» по-другому сформулирован критерий: вместо прежнего осуществления деятельности «в течение месяца, предшествующего дате обследования», в 2017 г. стало осуществление деятельности «в течение последнего месяца». Поскольку полевые этапы Обследования рабочей силы проводятся во вторую неделю месяца, то последняя формулировка могла вызвать неоднозначное понимание у респондентов.

Совокупность подобных изменений в методике не могла не оказать влияние на сопоставимость результатов 2017-го и предшествующих лет. Возможно, что неформальная занятость

в домашнем хозяйстве оказалась «размытой» в других категориях, перераспределенной между другими видами деятельности или просто угаенной при заданном прямом вопросе.

В пользу несопоставимости говорит сравнение последних по времени данных, полученных на основе новой методики – за I-II кварталы 2017 и 2018 гг. – с более ранними (рис. 1, 2). Можно видеть, что в обоих приведенных графиках тренды, обозначившиеся в 2013-2016 гг., резко ломаются в 2017 г., а затем, в 2018 г., восстанавливаются. Наиболее ярко это демонстрирует показатель занятости в домашнем хозяйстве, представленный на рис. 2.

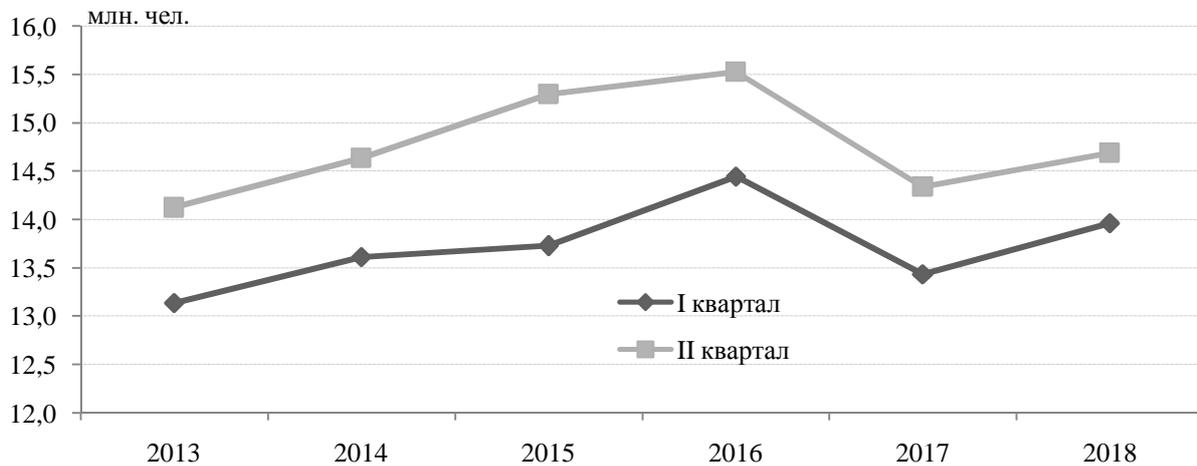

Рисунок 1 - Занятость населения в неформальном секторе, по кварталам, в целом по РФ, млн. чел.

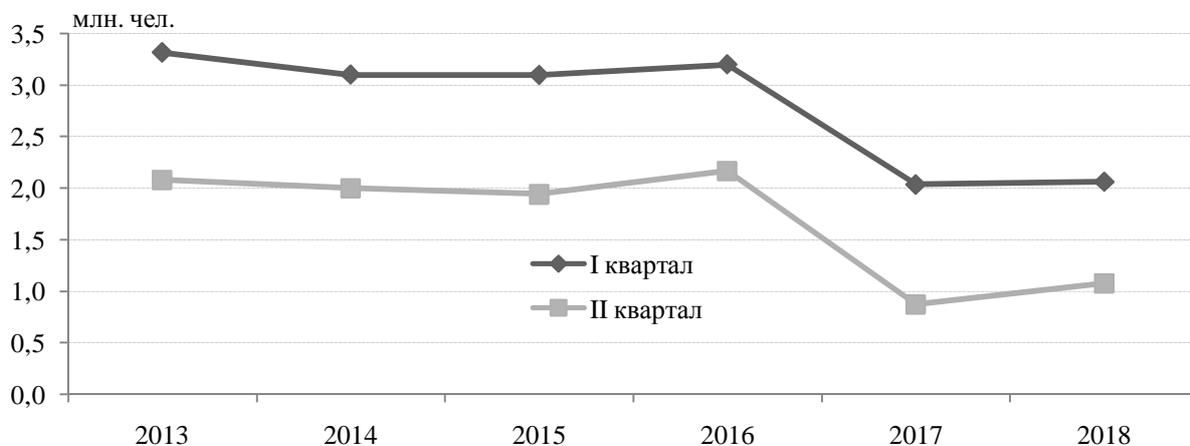

Рисунок 2 - Занятость населения в домашнем хозяйстве производством сельхозпродукции с целью продажи или обмена, по кварталам, в целом по РФ, млн. чел.

Дальнейший анализ неформальной и альтернативной занятости сельского населения строился на основе материалов социально-экономических паспортов и результатов выборочного анкетного обследования домохозяйств в двух сельских муниципальных районах Саратовской области – Советском и Перелюбском.

Население Советского района на 01.01.2017 составляло 26,8 тыс. чел. – на 11% меньше, чем в 2002 г. Рождаемость, несмотря на рост в последнее время, остается низкой, не превышающей 11 промилле; естественный прирост отрицательный. Данные по миграции отсутствуют, но простые расчеты показывают, что ее уровень в последние годы составляет 0,2-0,3% от общей численности населения района.

Население Перелюбского района на 01.01.2017 составляло 13,5 тыс. человек – на четверть меньше, чем в 2002 г. Сокращение населения целиком объясняется миграционной

убылью, так как естественный прирост в районе в течение всего рассмотренного периода времени (за исключением 2006 и 2009 гг.) был положительным. Ежегодная миграционная убыль составляет 0,5-0,7% от общей численности населения района.

Очевидно, одна из причин оттока населения – уозость рынка труда. Большинство рабочих мест в обоих районах связано с сельскохозяйственной отраслью, с бюджетной сферой (средние школы, детские сады, учреждения культуры, социальные службы, государственное управление и т.д.), а также с малым и средним бизнесом, индивидуальные предприятия (ИП) которого представлены в основном в торговле и сельском хозяйстве, реже – в грузоперевозках, общепите, автосервисе и т.п. По Перелюбскому району имеются данные по занятости в ИП: среднемесячная численность работников малых и средних предприятий оценивается в 22% от численности работников всех предприятий и организаций района.

Численность официальных безработных в Советском и Перелюбском районах, как и всюду в сельской местности, явно занижена – соответственно 227 и 87 чел. в 2017 г.

Численность занятых в экономике районов составляет 4,5 и 3,3 тыс. чел.; общая же численность занятого населения, позволяющая оценить масштаб неформальной занятости и трудовой миграции, в районной статистике не отражена. Мы сталкиваемся здесь с используемой методологией статистического учета, согласно которой трудовая деятельность фиксируется по месту приложения труда. Однако эти данные можно получить, основываясь на статистике общероссийского Обследования рабочей силы, согласно которой уровень занятости сельского населения по отношению к его общей численности в 2017 г. составлял 43,4%.¹ Распространив полученный удельный вес на Советский и Перелюбский районы, получим общее количество занятых и, учтя официальную безработицу, оценим количество временных трудовых мигрантов и неформально занятых в 7,0 и 2,5 тыс. чел.

Расчетные данные, скорее всего, не сильно отличаются от реальных, учитывая, что доля трудоспособных² в возрастной структуре населения обоих районов близка к среднероссийской и составляет 57% (по РФ – 55%). Даже с учетом приблизительности расчетов и неизбежной при этом погрешности уровень неформальной занятости населения и уровень его занятости за пределами районов проживания очень велик.

О масштабах неформальной занятости в ИП можно судить по имеющейся информации из социально-экономического паспорта Советского района о рейде по проверке «807 работающих на предприятиях малого и среднего предпринимательства», в ходе которого выявлено «428 работников, с которыми не заключены трудовые договоры». Таким образом, речь идет об очень широком распространении неформальной занятости в сфере малого и среднего бизнеса, сопоставимом с половиной его официальной численности. Значительная часть из них занята низкоквалифицированным трудом на временной или сезонной работе. В последние годы наблюдается расширение неформальной занятости в других, помимо сельского хозяйства, отраслях – прежде всего в строительстве, торговле и предоставлении услуг.

Что касается неформально занятых в сфере ЛПХ, то их численность в анализируемых социально-экономических паспортах районов не приводится. Для оценки масштабов распространения неформальной занятости в ЛПХ, самозанятости, а также общей структуры занятости было проведено выборочное обследование домашних хозяйств в обоих районах. Всего было опрошено 103 главы домохозяйств из сёл Розовое (Советский район, 55 респондентов) и Иваниха (Перелюбский район, 48 респондентов), в которых проживали 358 человек – 14% от общей численности населения обоих сёл. Выбор сёл был мотивирован их местоположением. Село Розовое находится недалеко от г. Энгельс (200 тыс. жителей) – в 93 км по трассе, что оказывает существенное влияние на трудоустройство жителей, на организацию сбыта продукции и услуг, производимых жителями в рамках неформальной занятости. Село Иваниха расположено на значительно большем отдалении от крупных городов. Оба села находятся в районах с интенсивным сельским хозяйством и развитыми традициями сельскохозяйственной деятельности.

¹ Рассчитано по: [4, с.84 ; 3 (2017): Табл. 2.5]

² 15-54 лет для женщин и 15-59 лет для мужчин.

В ходе опроса была получена информация о размерах ЛПХ и объемах продаж производимой в них продукции, об источниках доходов, о возможностях и направленности предпринимательской деятельности, а также о возрасте и занятости всех проживающих в домохозяйствах людей.

Случайная схема отбора позволила получить широкое представительство различных по направлениям занятости и демографической структуре типов домохозяйств. В 65 из 103 обследованных домохозяйств имеются дети в возрасте до 15 лет – всего 114 детей. Остальных – 244 чел., в том числе трудоспособного возраста – 223 чел.

Согласно современной методике, занятыми считаются «лица в возрасте 15 лет и старше, которые в обследуемую неделю выполняли любую деятельность (хотя бы один час в неделю), связанную с производством товаров или оказанием услуг за плату или прибыль» [3 (2017), с.9-12].

Данный подход критикуется исследователями за слабость критерия занятости, единственным параметром которого является минимально установленное время трудовой деятельности, приносящей доход (1 час в неделю). В качестве другого, более сильного, критерия занятости может быть взят минимальный размер получаемого в результате трудовой деятельности дохода, соответствующий величине прожиточного минимума. Предлагаемый критерий основан не на самом факте наличия трудовой деятельности, а на возможности обеспечения выживания в результате трудовой деятельности [5]. В настоящем исследовании размер среднедушевого дохода, получаемого от продажи продукции ЛПХ, соотношенный с величиной прожиточного минимума, был взят в качестве критерия отнесения трудовой деятельности к неформальной занятости – основной для безработных членов семьи, работающих в ЛПХ, и дополнительной для официально занятых.

Направления трудовой деятельности, зафиксированные со слов опрошенных членов домохозяйств, и структура их официальной занятости представлены в таблице.

Таблица - Структура официальной занятости членов домохозяйств, составивших выборочную совокупность, % от численности населения 15 лет и старше

Направление деятельности	Кол-во	%
Сельское хозяйство	35	14,3
Бюджетная сфера	36	14,8
ИП (владельцы и наемный персонал)	15	6,1
Маятниковые трудовые мигранты	37	15,2
Студенты и уч-ся 15-17 лет	42	17,2
Неработающие пенсионеры в возрасте до 73 лет	17	7,0
Безработные	62	25,4
Всего	244	100

В целом оба села обеспечивают работой 35% обследованного населения. С учетом студентов, учащихся и пенсионеров – около 60%. Остальные 40% населения, находящегося в экономически активном возрасте, либо работают «вахтовым способом» в городах (15%), либо являются безработными (25%).

Уровень безработицы в четверть всей рабочей силы превышает официальный более чем в 3 раза. Очевидно, речь идет о высокой неформальной занятости безработного населения, структура и масштаб которой могут быть с высокой степенью достоверности оценены со слов опрашиваемых глав домохозяйств. К числу неформально занятых были отнесены те неработающие члены домохозяйств, чей среднедушевой доход от продаж продукции ЛПХ превышал величину прожиточного минимума, установленного на период проведения обследования. Таковых оказалось 35 безработных (из 62), проживающих в 29 домохозяйствах. Из остальных 27 безработных, составляющих 11% от численности опрошенных членов домохозяйств выборочной совокупности, 5 работают в мелкотоварных ЛПХ, но их среднедушевой доход от продаж не дотягивает до величины прожиточного минимума, и 22 человека вообще не ведут товарное ЛПХ.

Отметим также довольно низкий уровень занятости в сфере официального предпринимательства, существенная часть которого относится к *формальной* альтернативной занятости.

Альтернативные виды трудовой деятельности, носящие *неформальный* характер, распространены в сельской местности гораздо меньше, чем деятельность в ЛПХ. Тем не менее, речь идет о важных дополнительных источниках дохода для многих семей. Так, одна из семей (из с. Розовое), состоящая из 2-х взрослых - охранника в ООО «Саратовнефтегаз», расположенного в райцентре пос. Степное, домохозяйки и 2-х детей 16 и 10 лет - держит сравнительно небольшое хозяйство: 1 корову, 1 голову молодняка КРС и 6 свиней. Доход от торговли продукцией ЛПХ небольшой [6]; заметно больший дополнительный доход семья получает от предоставляемых односельчанам услуг: откачки воды из канализации с помощью своего трактора и сдачи КАМАЗа в аренду в сезон уборки урожая.

Другая семья (супруги с ребенком 9 лет) вообще не имеет ЛПХ. Муж работает трактористом в фермерском хозяйстве. Его фактический заработок значительно выше официально, зафиксированного на уровне минимальной зарплаты. Дополнительная занятость этой семьи связана с эксплуатацией техники, принадлежащей фермеру, вне фермерского хозяйства (вывоз мусора и др.). Кроме того, небольшой доход семья получает благодаря ловле и продаже рыбы.

Альтернативная занятость еще нескольких семей связана с выращиванием и продажей грибов вешенок, предоставлением услуг населению по вспашке огородов собственным мотоблоком, перевозке сельхозпродукции и сена на тракторе, скупкой и перепродажей металлолома, ремонтом домашней техники, пошивом и ремонтом одежды.

Во всех случаях неформальная альтернативная занятость имеет дополнительный характер: ее масштабы колеблются от символических (ловля и продажа рыбы) до значительных (ремонт техники, грузоперевозки), но нигде она не смогла заменить основную занятость членов семьи.

Заключение. Итак, среди видов занятости сельского населения одни из самых значимых – неформальная сельскохозяйственная и альтернативная. В составе неформальной занятости можно выделить самозанятость, которая представляет собой форму малого предпринимательства, не имеющую официальной регистрации.

Альтернативная занятость включает малое, среднее и неформальное предпринимательство в несельскохозяйственной сфере. Охват сельского рынка труда её «официальными» видами (чаще всего в форме ИП) – на уровне 10-20%. Распространение «неофициальных» видов более широкое, но ее масштаб, как правило, незначителен, а доходы от нее чаще всего лишь дополняют основной доход семьи.

Дальнейшее развитие села напрямую связано с развитием самозанятости и альтернативных форм занятости сельского населения.

Список литературы:

1. Барсукова С.Ю. неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 31-39.
2. Серова Е.В., Звягинцев Д.В. Альтернативная занятость в сельской местности // Мир России: Социология, этнология. 2006. Т. 15. № 4. С. 3-34.
3. Обследование рабочей силы: Статистический бюллетень / Росстат. – М., 2010-2017.
4. Российский статистический ежегодник: Статистический сборник. 2017 / Росстат. – М., 2017.
5. Бондаренко Л.В. Занятость на селе и ресурсное обеспечение организаций малого бизнеса сельскими безработными // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2011. № 12. С. 58-62.
6. Андрущенко С.А., Васильченко М.Я. Оценка влияния развития животноводства хозяйств населения на продовольственную независимость России // Аграрный научный журнал. 2017. № 3. С. 65-74.